

РАЗВОД ФИКТИВНОМ, СВАДБА ПАСОПЦАМ

КСЕНИЯ МАРШАЛ

РАЗВОД

Я (не) буду мстить

Ксения Маршал

Развод. Я (не) буду мстить

<https://litres.ru/74447907>

SelfPub; 2026

Аннотация

– Сколько еще ждать, Андрей? – звучит капризный голос нашей няни.

Надо же, никогда не замечала у нее таких стервозно-требовательных интонаций. Обычно с Маришей она сама доброта.

– Еще совсем немного, кис, – обещает мой муж. – Мне осталось только дом продать, и я буду все так же богат, но зато свободен.

– Я уже восемь месяцев жду! Так никакого терпения не хватит, – обиженно выговаривает Олеся. – Когда ты упрашивал меня быть с тобой, обещал, что скоро выгонишь свою женушку. А по факту она мне почти год глаза мозолит!

Что ж, в этом раскладе у меня единственный козырь – информация, да немного времени в запасе. И я сделаю все, чтобы воспользоваться ими с умом!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ксения Маршал

Развод. Я (не) буду мстить

Глава 1

Развод фиктивный, свадьба настоящая!

Воскресенский последняя сволочь! Об этом я узнаю чисто случайно, подслушав чужой разговор.

А как заливал!

– Дорогая, это все ради семьи. Любимая, я делаю это только для вас! Наш развод – чистая фикция. Просто так нужно для дела. Ну вот какая разница, что там написано у нас в документах? Главное, что вот тут, – на этих словах он непременно прикладывал мою ладонь к области сердца. Мол, я и дочь навсегда там, а нашей любви не страшны никакие условности. – Ты же знаешь, ты и Маришка – самое ценное, что есть у меня в жизни...

А ведь меня предупреждали! Не зря судья так странно на меня смотрела, когда я самоотверженно отказывалась от любого совместно нажитого имущества. Как на ненормальную. Видимо, сильно удивлялась моей блаженности. А я такой и была! Смешно сказать, почти год жила с Андреем. Еще и всем вокруг доказывала, что развод у нас фиктивный, суще-

ствующий только на бумаге.

– Так нужно для бизнеса, мам, – в который раз разъясняла я родительнице.

Она только качала головой. А я верила! Верила мужу и в мужа. Как же иначе? У нас ведь настоящая любовь и дочка вон недавно родилась. Он даже пуповину сам перерезал. И вообще, как это – родному мужу не доверять? Кому тогда?

– Инвесторы отказывались вкладываться в его компанию, пока он женат, – продолжала я защищать Воскресенского. – Потому что, случись что, при разводе мы бы все пополам поделили. Они не хотели рисковать, вот и пришлось оформить бумаги. – Ты же сама видишь, как после всего у него дела в гору пошли. И деньги теперь совсем другие.

– Андрею, конечно, хорошо, кто же спорит, – качала головой мама. – Деньги рекой и никаких обязательств. А ты по факту для него посторонний человек. Ни кола, ни двора, да ребенок грудной на руках. Если выгонит он тебя, то и окажешься на улице. А ведь свой бизнес он начинал на твои деньги. Те самые, которые ты выручила с продажи бабушкиной квартиры. И не докажешь потом ничего, сама в суде ото всего добровольно отказалась.

– Мам, ну какое выгонит? Это другие мужики ненормальные, а мой Андрей не такой. Все у нас замечательно. Не надо нагнетать, пожалуйста.

Время показало, что мама была права. Все вокруг были правы, и только я одна жила в выдуманном мирке с радугой и

розовыми единорогами. И пока Воскресенский выводил активы, продавал недвижимость и всячески готовился к новой холостой, беззаботной и сытой жизни, я продолжала пребывать в неведении.

Но ни один обман не длится бесконечно долго...

Открывает глаза на происходящее чистая случайность. Мы как раз отмечаем годик нашей дочери. Праздник я устроила с размахом. Обратилась в специальное агентство, пригласила всех родственников и друзей. Ведущий, аниматор, фокусник, фотограф, видеограф – все по высшему разряду. А как же – такое событие! Один годик бывает лишь раз в жизни.

Гости как раз смотрят салют с террасы полностью выкупленного ресторана, а я отхожу к распорядителю, чтобы уточнить кое-какие моменты. И спотыкаюсь, когда прохожу мимо туалетов.

– Сколько еще ждать, Андрей? – звучит капризный голос нашей няни.

Надо же, никогда не замечала у нее таких стервозно-требовательных интонаций. Обычно с Маришей она сама доброта. А тут вдруг какому-то Андрею не повезло. Интересно, чем провинился?

Собираюсь уже прошмыгнуть мимо, как вдруг из-за неплотно прикрытой двери звучит голос моего мужа. И понимание, что это не какой-то Андрей, а мой собственный, стрелой прошивает грудную клетку.

– Еще совсем немного, кис, – обещает он. – Мне осталось только дом продать, и я буду все так же богат, но зато свободен.

– Я уже восемь месяцев жду! Так никакого терпения не хватит, – обиженно выговаривает Олеся.

У меня же тем временем что-то нехорошее с организмом творится. Как будто ребра постепенно ломаются и заворачиваются вовнутрь, раздирая острыми краями все в кашу. А в голове шум, как при взлете истребителя. И картина мира никак не складывается. Потому что детали не подходят друг к другу, они из разных наборов и никогда в жизни не должны были соприкоснуться!

– Подними юбочку, я быстренько скрашу твоё ожидание, – интимно рокошет Воскресенский. Его интонации я ни с чем не перепутаю – столько раз их сама слышала по ночам. Тело даже сейчас реагирует дрожью, хотя предназначались они не мне. – Пальцами или языком?

Чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Звук в ушах нарастает. Даже странно, что сквозь него я все еще слышу.

– Языком, – повелительно и с долей снисхождения. Мол, так и быть, она разрешает. Слышится шорох, протяжный стон, а потом наша няня продолжает: – Когда ты уговаривал меня быть с тобой, обещал, что скоро выгонишь свою жёнушку. А по факту она мне почти год глаза мозолит!

Это я ей мозолю? Хватает же совести гадине! Стою, покачиваясь и сжимая руки в кулаки. Мне так плохо – вот-вот в

обморок свалюсь. Дыхания не хватает – кислород внезапно какой-то не такой. Голова кружится, как у пьяной. И сознание мутится. Может, мне все это кажется?

– М-м-м, киса, – доказывая жуткую реальность происходящего, тянет мой муж. Мой бывший муж. БЫВШИЙ! БЫВШИЙ! БЫВШИЙ! Очевидно, мне нужно зарубить себе это на носу. Мы ведь и в самом деле официально в разводе. Так что... никто друг другу. – Совсем чуть-чуть осталось. Ты такая вкусная... М-м-м... Анька как раз скоро улетит с дочкой на море, я же ей путевку сегодня подарил. А я как раз освобожу дом для новых владельцев. Так что вернется моя бывшая женушка уже к своим родителям и перестанет нам мешать.

– Точно? – мерзкий голос няни с требовательными интонациями врывается в самый мозг.

Голову разрывает от неожиданного открытия и чужой подлости. Я ведь даже не подозревала, что так можно.

– Точно-точно. Ты и сама не представляешь, как я задолбался от жизни с ребенком. Это же постоянные вопли, недосып и вечно уставшая, недовольная жена. Я не на такое подписывался, когда брал Аньку в жены. Она хотя бы привлекательная была. Теперь стыдно ее показать хоть кому-то. А ты ее сиськи после кормления видела? Отвратительное зрелище. Сам не понимаю, как целый год выдержал. На что только не пойдешь, чтобы свои деньги сохранить...

– Не отвлекайся, продолжай давай, – требует Олеся.

А я зажимаю рот ладонью и бегу, куда глаза глядят.

Глава 2

– Вам плохо? – меня ловит официант и не дает упасть.

Трясу головой, то ли подтверждая, то ли отрицая. Тошнота все активнее подкатывает к горлу, в голове крутятся обрывки подслушанных фраз и мерзких звуков. А разбившаяся картина реальности уродливо искажается и пытается собраться в новую. Таковую, которой не противоречат открывшиеся факты. Не подходит к ней только один, который гласит, что Андрей Воскресенский хороший любящий отец и прекрасный верный муж. Тот самый факт, на котором зиждилась вся моя жизнь, на поверку оказывается ложным.

Видимо, зажатый ладонями рот и дорожки слез, расчертившие мои щеки, подсказывают официанту, что мне все-таки нехорошо. Он приводит меня в служебный туалет и оставляет.

Организм понимает, что мы наконец одни, и заставляет меня согнуться над унитазом. Тело прошибают судороги. Вся еда выходит наружу. Стоит только подумать, сколько всего себе позволял бывший муж, а потом приходил ко мне в постель, как меня вновь и вновь выворачивает наизнанку.

После родов я долго не могла восстановиться, поэтому супружеский долг был отложен на три месяца. Потом мне было больно. Потом я валилась с ног от недосыпа. И в итоге сама не заметила, как муж перестал приходить за мной в детскую

и звать в спальню. Не удивлюсь, если ему уже тогда грела постель наша услужливая ушлая няня.

А ведь какую кроткую овечку из себя все время строила Олеся!

«Да, Анна Михайловна. Хорошо, Анна Михайловна. Как скажете, Анна Михайловна!»

Ну чудо, а не помощница. Еще бы знать тогда, что помогала она не только мне, но и моему мужу. Понятное дело, что уволь я ее, и голубки нашли бы другое место, где предаваться плотским наслаждениям. Но это происходило бы не у меня под носом!

Минут пятнадцать я борюсь с дурнотой. Еще десять уходит на то, чтобы привести себя в относительный порядок. Мочу бумажное полотенце и протираю лицо. Благодаря профессиональному фиксатору макияж на месте. Остается лишь стереть следы от слез, да промокнуть влажные глаза.

Руки трясутся, стоит только подумать, что мне нужно вернуться к гостям и делать вид, будто ничего страшного не произошло. Будто моя жизнь не перевернулась только что, разбившись на осколки и собравшись обратно в неправильном порядке.

А после мы отправимся домой, и Олеся, конечно же, поедет с нами в машине. Она всегда и везде с нами ездит. И комната ее на втором этаже, поблизости от детской – чтобы недалеко бегать было. Так Андрей решил. Он, собственно, ее в дом и привел. Интересно, она хотя бы няня настоящая?

Или все подтверждения ее квалификации еще одно вранье?

До чего же я дура! Правы были все вокруг, когда не верили в фиктивность развода... Идиотка я клиническая. Клуша, которая дальше своего носа ничего не видит. Еще и грудь некрасивая со слов Воскресенского...

Тоже мне ценитель женской красоты выискался. Эстет фигов.

Разрешаю себе сделать еще пару глубоких вдохов и покидаю тесное помещение. Меня всю колотит. Даже каблук цокают болезненно и не ритмично. Кусаю губы – во рту привкус горечи и соли. Первой меня ловит мама. Именно с ней я оставила Маришку, когда пошла искать распорядителя.

– Вот ты где! Успела решить свои вопросы? Торт скоро будет? А то Мариша уже носом клюет, ей спать пора, – мама заваливает информацией. Потом, видимо, что-то читает по моему лицу, потому как спрашивает: – Ты вообще в порядке? Выглядишь бледной.

– Нормально, – мой голос больше похож на карканье старой вороны. – Наверное, съела что-то не то, – вру неуклюже.

– А такой приличный ресторан с виду, – родительница качает головой. – Да и гости вроде в порядке. Может, ты того, – кивает на мой абсолютно плоский живот, – еще одного ждешь?

«Да Боже упаси!» – хочется воскликнуть мне. Только не от мерзавца-муженька. К счастью, такой вариант исключен. Последняя близость у нас состоялась в конце лета, а сейчас

начало зимы: снег везде лежит, город постепенно украшается теплыми огоньками, гирляндами и светящимися фигурами.

– Нет, – выдыхаю с ужасом, а мама вдруг хохочет:

– Ты бы проверилась все-таки. Единственный способ контрацепции со стопроцентной гарантией – это воздержание. А у твоего Воскресенского слишком сытый и довольный вид, дабы всерьез рассматривать этот вариант, – сама того не осознавая, режет меня без ножа мама.

Наверное, сейчас хороший момент, чтобы рассказать ей обо всем, нажаловаться и поплакать в жилетку. Но я не делаю этого. Потому что точно знаю: стоит мне только раскрыть рот, как маленький снежный комок превратится в лавину, которая непременно снесет меня. Я не удержусь – это точно.

К тому же не хочется портить первый праздник дочери скандалом. Моя мама не из тех, кто, заполучив столь вопиющую информацию, станет молчать. Узнай она обо всем, и безобразный конфликт обеспечен. Пусть уж лучше у Маришки останутся хорошие впечатления от торжества.

Ну а месть – это блюдо, которое подают холодным. Кинуться грудью на амбразуру я всегда успею. Гораздо правильнее будет успокоиться и пораскинуть мозгами. Раз уж судьба подкинула в мою незавидную партию один-единственный козырь в виде информации, следует распорядиться им с умом. Я обязательно сделаю все, что в моих силах,

чтобы Андрей Воскресенский пожалел о своем низком поступке.

Глава 3

Конец праздника для меня проходит как в тумане. Я с кем-то разговариваю, помогаю сидящей у меня на коленях Маришке попробовать торт, слежу за тем, чтобы не перепачкалась. Даже позволяю Андрею обнимать нас с дочерью, изображая перед всеми счастливое семейство. Правда, в эти моменты застываю и становлюсь неживой. Как будто само сердце перестает биться и останавливает ток крови в сосудах. Но стоит только бывшему муженьку отойти в сторону, как время, а вместе с ним – и процессы в моем организме, возобновляют свой бег.

В машине сижу сзади, рядом с дочерью. Олеся – на переднем сиденье, рядом с Воскресенским. Как обычно, только теперь воспринимается абсолютно в ином свете. И всю дорогу до дома я борюсь с острым желанием придушить гадину. Или выкинуть из машины на асфальт. На крайний случай – выдрать добрую половину пышной шевелюры.

Не в рамках борьбы за мужа, нет! Андрей мне теперь ни на что не сдался – разве можно продолжать любить того, кто методично уничтожает вот уже год? А за соучастие. За то, какое унижение и боль заставила меня испытать на пару с предателем. Еще и улыбалась в лицо каждый день. Комплиментами сыпала.

«Какое красивое у вас платье, Анна Михайловна. Вам так

идет новый блеск для губ. До чего вкусные кексы вы печете, Андрей Григорьевич наверняка вас на руках носит» ...

Что ж ты, хорошая моя, ни разу не упомянула, как сильно тебе мой муженек нравится?

Кажется, за время пути до дома я всю эмаль на зубах стираю. Хорошо хоть Маринка уснула, напраздновавшись, и не переняла моего настроения. Она у меня очень чуткая девочка, и мое состояние бы точно заметила. Можно ли сказать, что мне повезло?

Перенести дочь из машины в детскую Воскресенскому не позволяю. Беру ее сама и гордо топаю вперед. Впрочем, меня никто и не отговаривает. Голубкам явно по душе такое положение вещей. Мне даже кажется, что я слышу тихое довольное хихиканье за спиной, когда поднимаюсь на второй этаж.

Что ж, развлекайтесь, пока можете. До самого утра остаюсь в комнате с Мариной. Сплю на диване. И нет, я не прячусь трусливо. Я дарю себе передышку и берегу нервы. А еще – не хочу снова потратить полчаса, склонившись над унитазом и освобождая желудок. Хватит с меня.

И все же ночь я провожу в слезах. Оплакиваю свой брак, свою растоптанную любовь, свое преданное доверие. Мысленно снимаю разбитые розовые очки и погребая их под толстым слоем серого пепла реальности. Рыдания душат, заставляя утыкаться лицом в подушку, чтобы не разбудить дочку. Заснуть удастся лишь под утро.

А просыпаюсь я полностью разбитой. Чувство такое, буд-

то меня грузовик сбил. Буквально заставляю себя встать и начать действовать. Страдания-страданиями, а меня, кроме себя самой, никто не защитит.

Первое, что делаю, пока дочь еще спит, иду в кабинет и достаю договор с няней. К неудобству Воскресенского и Олеси он заключен лично со мной. Это они недальновидно конечно... Но по-другому я бы и не согласилась. Все, что касается Мариши, проходит мой строгий, тотальный контроль. Так... расторжение договора в одностороннем порядке. Прекрасно!

Со спокойной душой иду в детскую. Моя малышка уже сидит в кроватке и вовсю занимается с мягким зайцем – ее любимой игрушкой.

– Привет-привет! – подхватываю свое счастье на руки.

– Ма! Ма! Ма! – твердит мое солнышко и широко улыбается.

Любуюсь Маришкой. Такая она чудесная! Складная, миленькая, жизнерадостная и очаровательно-неуклюжая, куда уж без этого. Первым делом идем в ванную и меняем подгузник. Умываемся, чистим зубки. Дальше на кухню – завтракать.

Хоть сегодня и выходной, встретиться с Андреем я не боюсь. Он давно уже взял за привычку работать в такое время, возвращаясь домой только после обеда. Кто знает, может, у него там красивая и безотказная секретарша – вот и катается туда Воскресенский без усталости. Я уже ничему не удивлюсь.

Пока варю кашу, мою чернику. Маришка в это время занимается со специальным развивающим столиком.

– Доброе утро, – на кухне появляется Олеся и широко зевает.

Мой муж не дал выспаться? Бедняжка. По себе помню, какие аппетиты у Андрея. Неутомимый человек! Вот только жизни с маленьким ребенком и женой, ставшей чуть менее привлекательной, не выдержал.

– Олеся, твоя помощь мне больше не понадобится, – общаю холодно.

– О, спасибо за выходной, Анна Михайловна. Вы лучшая! – сияет наша няня, которая трудится даже по ночам. В особенности – по ночам. Думаю, Воскресенский не раз выписал ей премию за рвение на рабочем месте.

– Ты не поняла, Олеся, – качаю головой, помешивая кашу. – Ты мне совсем не нужна. Я разрываю с тобой договор в одностороннем порядке. Так что собирай вещи и уезжай. Больше тебе в этом доме делать нечего, – я намеренно не называю дом «моим». Язык не поворачивается, раз уж Андрей его тайне продал. – Расчет на карту я уже перевела.

И тут наша няня радикально меняется. Расправляет плечи, выпячивает грудь, высокую и налитую – не чета моей собственной. Из ее больших ореховых глаз исчезает выражение туповатой готовности услужить. Вместо этого появляется высокомерный блеск хищницы, знающей себе цену и готовой идти по головам.

Олеся берет за телефон и предупреждает с апломбом:
– Андрею Григорьевичу это не понравится.

Глава 4

Кто бы сомневался, что не понравится. Но в этом и смысл. У меня не так много времени осталось до отпуска, в который так торопится сбегать нас с дочерью муженек. А там уже карета превратится в тыкву. И самое мудрое, что я могу сделать – это максимально усложнить жизнь Воскресенскому и вместе с тем подстелить себе соломку. Ибо по замыслу мужа возвращаться мне будет уже некуда.

Так разве должна я в этой ситуации покорной овцой идти на заклание и упрощать предателям жизнь?

– В этом вопросе мы как-нибудь без тебя разберемся, – одариваю бывшую няню еще одной холодной улыбкой.

Внутри у меня все бушует, гнев рвется наружу. С каким удовольствием я бы отпустила себя. Позволила брызнуть злым слезам и выволокла бы гадину из дома за волосы. Но нельзя – мы же цивилизованные люди.

Согласно законам современного общества, цивилизованные люди делают друг другу гадости тихо, скрытно, улыбаясь при этом в лицо, но ломая так, чтобы жертва не могла больше встать. Вот это культурно, вот это интеллигентно. А волосы драть – признак примитивного быдла. Так-то.

Олеся только хмыкает надменно и, резко развернувшись, уходит.

– У тебя полчаса, чтобы покинуть дом, – бросаю ей в спи-

ну. — Не доводи до того, чтобы я выпроваживала тебя с полицией.

— Да пошла ты, — звучит тихое сквозь зубы, но я все равно слышу.

Не реагирую. Последние силы уходят на этот диалог и на то, чтобы держаться. Больше ресурсов нет. Меня колотит. Слезы с новой силой начинают течь. Хотя, казалось бы, за целую ночь они должны были иссякнуть. Но нет, похоже, их у меня бездонный колодец.

Бросаю короткий взгляд на дочь — она занята игрушкой и на меня не реагирует — и отворачиваюсь к плите. Выключаю конфорку, перекладываю кашу в детскую тарелку на присоске, посыпаю сверху ягодами. В кружку-непроливайку наливаю воду. Еще какое-то время стою и дышу, успокаиваясь.

«Ты молодец, Аня!» — хвалю себя мысленно. — «Ты обязательно справишься. Ты все делаешь правильно. И не ты виновата в том, что все это происходит».

А может быть я? Может, если бы я лучше за собой ухаживала, наносила бы каждый день макияж и выполняла супружеский долг даже через боль, Воскресенский не стал бы смотреть на сторону? Ведь говорят же, что в разводе виноваты двое. Получается, я была плохой женой?

Пока Маришка увлеченно ест кашу, я лезу на форумы. Пытаюсь отыскать ответы на свои вопросы, но так ничего толкового и не нахожу. Куча историй, еще больше рассуждений на тему, всяческих мнений. Единого, естественно, нет.

Да и, с другой стороны, ладно бы Андрей мне просто изменял, я бы могла, скрепя сердце, признать, что в том есть доля моей вины. Но муженек же решил избавиться от нас с дочерью, как от ненужного балласта! Просто вышвырнуть вон, напоследок кинув кость в виде поездки на море. И то не из-за мук совести, а ради удобства – чтобы под ногами не путались.

В чем же тут моя вина? В том, что всю жизнь была честной и никогда никого не подставляла? Поэтому Воскресенский решил, что меня можно шваркнуть, оставив на улице? Бомжом! Если потерявшую былую пышность грудь я признать готова, то к больной жадности бывшего мужа уж точно никакого отношения не имею.

И дочка наша тем более не виновата! Ни в том, что плачет по ночам, ни в том, что требует массу времени и заботы. А желать с появлением ребенка жить как прежде, свободно и беззаботно, не что иное, как эгоизм и инфантильность. Очень жалко, что я разглядела эти качества Воскресенского только сейчас.

А ведь я считала, что у меня идеальный муж! Высокий, привлекательный, успешный. У него даже пресловутые шесть кубиков пресса имеются – тренировки в спортзале он не пропускает. Вот только не про мою честь вся эта роскошь оказалась.

Обидно? Не знаю. Я скорее шокирована. Андрей выбил почву у меня из-под ног. И теперь моя единственная задача

– устоять. Как минимум – не расшибиться при падении, ведь я не только за себя отвечаю, но еще и за Маришу. Поэтому не позволяю боли захватить себя. Сгребая ее в плотный комок, утрамбовываю и заталкиваю как можно глубже. Сперва я сделаю все от меня зависящее, а потом уже можно будет жалеть себя. Желательно не на улице и не под открытым небом.

За завтраком удастся впихнуть в себя лишь чашку эспрессо. От чего-то большего организм попросту отказывается. Тусуемся с Мариной на кухне, пока в холле не появляется Олеся с двумя чемоданами. Бросает на меня брезгливый взгляд, а потом молча уходит, шандарахнув дверь напоследок.

– У вас все в порядке? – тут же появляется Артур, наш домоправитель.

– Нет, – отвечаю глухо и отворачиваюсь, давая понять, что эту тему я продолжать не намерена.

Спустя несколько минут забираю дочку из высокого стульчика, умываю и вместе с ней поднимаюсь вверх. Моя цель – кабинет Воскресенского. Там сажаю малышку прямо на пол и занимаю развивающим планшетом. Минут пятнадцать свободного времени у меня есть.

Первым делом лезу в сейф. Сгребая часть налички и золотых украшений – Андрей любит покупать толстенные цепи, вкладывая таким образом свободные деньги. Все документы, которые лежат внутри, фотографирую. Потом фото-

графирую бумаги в столе. Лезу в компьютер и пытаюсь добраться до паролей, но у меня ничего не получается.

Краем глаза замечаю машину Воскресенского, заезжающую во двор, и трясущимися руками торопливо заметаю следы. Сердце колотится в горле – только бы не попасться!

В самый последний момент успеваю подхватить Маришу с планшетом и выскочить в коридор. Награбленное запихиваю в большую вазу с сухоцветами.

– Аня! – раздается злой голос бывшего мужа с первого этажа.

«Он понял, что я все знаю и готовлюсь к мести? Или увидел, как я роюсь в его документах?» – прошибает паническая мысль.

Но мне нужно еще немного времени!

Глава 5

– Аня, ты совсем рехнулась? – орет с первого этажа Андрей. – Тебе моча в голову ударила? – похоже, чувствует, что конец близок, и уже не в силах продолжать играть роль примерного мужа.

– Не ори, – говорю строго. Я появляюсь наверху лестницы с дочкой на руках и свысока смотрю на муженька.

Удивительное дело, его правильные черты, стать, идеально сидящий костюм больше не кажутся мне привлекательными. И, если раньше я смотрела на Воскресенского и сама себе завидовала, то сейчас диву даюсь. Передо мной зажавшийся мужик, оборзевший от того, какие возможности перед ним открыли большие деньги. Нувориш, не справившийся с блеском медных труб.

У него же это буквально на лице написано: «Еще! Еще! Себе! Себе! Заграбастать как можно больше!»

А я, слепая идиотка, не замечала.

– Ты ребенка пугаешь! Если есть, что сказать, говори нормально, – наверное впервые за долгое время осаживаю мужа. Ах да, бывшего мужа.

С появлением Мариши я стала всецело зависима от Андрея. И он, в полной мере прочувствовав это, принялся продавливать. Сначала потихоньку, потом сильнее, а в конце уже пер, как асфальтоукладчик, сминая любые мои возра-

жения. И я как-то незаметно привыкла. Смиряться, подчиняться, уступать превратилось в привычку.

Итог, как водится, плачевен. Я прогибалась под Воскресенского, а в качестве благодарности он решил вытереть об меня ноги.

– Если бы ты ни с того, ни с сего не вышвырнула нашу няню, тебе бы было, с кем оставить ребенка. Вот скажи, ты вообще нормальная? – голос бывшего мужа все еще громкий и наполненный гневом, но все же далек от крика.

Только я не обманываюсь. Андрей уступил лишь для того, чтобы не мучить себя прослушиванием детской истерики, которая непременно бы наступила, продолжи он скандалить.

– Олеся мне больше не нужна, – сообщаю ровно.

И так хочется продолжить! Сказать что-то типа: «Если она так сильно нужна тебе, то флаг в руки. Только не в доме, где живу я с дочкой». Но я стискиваю зубы и молчу. Понимаю, что еще не время. Хотя язык так и жжет от невысказанных слов. Мне почти больно.

И еще больнее становится от того, с какой силой Маришка стремится к отцу.

– Па-па-па! – тянет она ручки и улыбается искренне.

У меня все сжимается в болезненный комочек. Дочка такая открытая в своей любви, такая настоящая, а Воскресенскому это не нужно. Мы обе ему не нужны. И если свое разочарование я готова пережить, то за невинного ребенка обидно до

слез. Потому что она заслуживает отцовской любви просто так. По праву рождения!

Но Андрей гораздо больше любит деньги и беззаботность. Замечаю, как он в раздражении поджимает губы.

– Могу я хоть дома отдохнуть? – рывкает он. – Пашу без выходных, а вы на шею сесть готовы. Никакой благодарности!

«При чем тут мы, дорогой?» – так и тянет поинтересоваться. Ведь пашет он ради своего собственного блага. Наш удел – остаться на обочине жизни, в то время как сверкающий лимузин Воскресенского понесет его дальше в прекрасную жизнь.

И снова молчу. Сейчас время собирать камни, а не бросаться без толку, словно брехливая собака.

Отворачиваюсь и ухожу. Меня колотит. От этой стычки. От понимания, что я продолжаю свою маленькую месть – ведь гнев бывшего муженька вызван исключительно тем, что удобной любовницы теперь не будет под рукой. А всякое видеонаблюдение и запись с экрана компьютера – всего лишь плод моего разгулявшегося воображения. На воре, как известно, и шапка горит.

Не желает горе-папаша с нами общаться, что ж, мы не настаиваем. Не такой уж и праздник лицезреть его кислую недовольную рожу. До вечера занимаюсь исключительно Маришей. Мы играем, делаем много полезных упражнений. Например, перекладываем фасоль из большой чаши в

бутылку с узким горлышком. Смотрим развивающие карточки. Читаем стихи. Долго гуляем. Сидеть на участке нет никаких сил – слишком отвратительно чувствовать, что Воскресенский где-то поблизости.

Поэтому, дождавшись, когда дочка устанет, я укладываю ее в коляску и иду тихонько бродить наружу. Улочки нашего коттеджного поселка уже украшены гирляндами. Воздух свежий, чистый – одно удовольствие дышать. Легкий морозец чуть пощипывает щеки. И я наслаждаюсь немпешной спокойной прогулкой ровно до того момента, пока передо мной не останавливается блестящий представительский седан.

– Анна, – наружу выбирается высокий мужчина в кожаной куртке нараспашку.

Его голос тяжелый. Требовательные интонации ложатся грудой булыжников мне на плечи. Я знаю этого человека с внешностью отпетого бандита. Огромный, всегда небритый, предпочитающий кожанки, джинсы и грубые ботинки. Если честно, слегка пугающий меня. Это Вадим Тарханов, главный конкурент мужа. Мы не общаемся, конечно же. Тем непонятнее, что от меня нужно Тарханову.

– Ваша семья всегда грязно вела дела. Но на этот раз Воскресенский переступил все мыслимые границы. Неужели ты можешь спокойно воспитывать с ним ребенка, зная, на какие поступки способен твой муж?

Глава 6

«Не могу и не буду воспитывать с ним ребенка» – отвечаю мысленно. Только не после того, как Андрей поступил со мной и дочерью. Теперь Воскресенского для меня попросту больше не существует. Но жаловаться постороннему человеку мне, конечно же, и в голову не приходит.

– Мы уже год как не семья, – роняю я отстраненно.

Понимаю, так себе объяснение. Жаль, на большее я сейчас не способна.

– Да все в курсе, что вы живете вместе, – перебивает Вадим нетерпеливо. – Ладно я, я уже почти привыкший к выкрутасам твоего муженька. Но есть ведь и другие люди, которым не по вкусу такие методы. Они точно терпеть не будут. Если не хочешь оставить девчонку сиротой, поговори с ним.

– Прошу прощения, вы не по адресу, – выдыхаю тихо и вместе с коляской все-таки объезжаю монументальную фигуру Тарханова.

О лишнем стараюсь не думать, не пускаю плохие мысли в голову. Наверняка он говорил не серьезно. В наше время уже никого не убивают. Беспредел давно в прошлом, это даже я знаю. Ну а то, какие методы выбирает Воскресенский, я имела честь прочувствовать на собственной шкуре. Так что, если вдруг Андрея поймают за задницу и закроют лет на пятнадцать, плакать точно не стану. Носить передачи, впрочем,

тоже. У него теперь для этих дел Олеся есть.

– Зря, – летит мне в спину разочарованное. – Я был о тебе лучшего мнения.

Да и меня тоже никто к предательству самого близкого человека не готовил. Жизнь – боль, как говорится. Соболезную тем, кто ищет в ней справедливости.

К счастью, Вадим не бросается меня догонять. И я гуляю еще часа два. Вернувшись, ужинаем с Маришкой тем, что оставила для нас кухарка. Воскресенского не видать, и я мечтаю, чтобы так оно и продолжалось.

Он объявляется уже вечером. Когда я купаю дочь в ванне с пенкой. Мы делаем сугробики, и нам очень нравится.

– И нахрена было выгонять Олеся? – раздраженно топчется рядом. – Сейчас бы свободна была.

«Что, милый, так быстро спермотоксикоз замучил? Какая досада».

– Мне нравится проводить время с Маришкой, – жму плечами.

Внешне я – само спокойствие. Внутри же очередная буря закручивается. В ней микс из обиды, горечи, гнева, злорадства и ледяного желания отомстить.

– Лучше бы с мужем проводила, – продолжает брюзжать Андрей.

«К сожалению, он был занят нашей няней» – посылаю мысленный ответ.

– Дя-дя-дя! – Мариша начинает недовольно бить ладоша-

ми по воде. Ну конечно, все внимание мамы должно быть сосредоточено на ней.

Пена летит во все стороны, попадает на шелковые домашние брюки Воскресенского. Тот раздраженно цокает и наконец уходит.

– Быстрее давай! – бросает напоследок.

Я даже начинаю думать, что зря вышвырнула Олесю. Так бы Андрей был занят исключительно няней, а меня оставил в покое.

Конечно, искупав Маришу, я никуда не иду. Остаюсь с ней в комнате. Мы включаем ночник в виде полумесяца, и я по памяти читаю дочке Мойдодыра. Потом долго лежу и обнимаю свое счастье. Сегодня я не смогла отправить ее в кроватку и положила с собой на диване.

Напитываюсь этой особенной детской нежностью. Бережно откладываю в памяти драгоценный момент. И непроизвольно дергаюсь, когда дверь в детскую резко открывается. В проеме появляется хмурое лицо Воскресенского.

– Аня, – шипит недовольно. – Я же сказал, побыстрее! Ты специально мои нервы испытываешь?

Вы посмотрите, какой нетерпеливый! И эгоцентричный. Как будто все происходящее сосредоточено исключительно вокруг его несравненной персоны. Потрясающее самомнение, конечно.

– Чего тебе надо, Андрей? – шиплю в ответ.

– Жену мне свою надо, что непонятно? – он еще сильнее

раздражается. – Забыла уже, когда с мужем последний раз была. У тебя там наверняка заросло уже все. Ясное дело, тебе всегда больно. Разрабатывать надо!

Не будь в моих руках Маришки, я бы непременно сомкнула их на шее ублюдка-муженька. Просто не выдержала бы и набросилась дикой разъяренной кошкой. Тоже мне, разработчик нашелся! Олеси с красивой грудью под рукой нету, так и я сгожусь? Может, еще и свет придется выключить или пакет на голову надеть?

Мамочки, как же мне выдержать до конца? Где найти терпение?

С силой зажмуриваюсь. Прогоняю собравшиеся выпить слезы – не сейчас, не перед ним.

– Ты врач? – интересуюсь.

– Чего?

– Ты не врач, говорю. Вот и не надо мне указывать, что разрабатывать, а что нет, – припечатываю. – Уйди из детской. Ты разбудишь Маришку, а укладывать мне.

– Ты в себя поверила, что ли? – хмыкает бывший муженек, явно не ожидавший отпора от всегда покладистой супруги. – Быстро в спальню, и чтоб не писка мне. Иначе рот заклею.

– Ты оглох, Воскресенский? Я сказала нет.

– Да срать я хотел, чего ты там вякаешь! – повышает голос он. – Не хочешь по хорошему, заставлю по плохому.

– Только попробуй! – срываюсь на шипение.

– Я предупреждал, – жмет плечами Воскресенский.

За два шага он оказывается возле дивана, хватает меня и резко дергает вверх. Подлетаю, как пушинка и оказываюсь в его руках.

– Ты будешь делать то, что я сказал, – цедит он мне на ухо, сжимая изо всех сил ягодицу. Синяк точно останется. – А теперь на колени и работай ртом, раз дыркой отказываешься. И не советую кочевряжиться, я ведь и заставить могу, – урод давит мне на плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.